

ЯФЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

RECUÉIL JAPHÉTIQUE

802

II

ИФОАСТОЛН РИДЖЕР ПЕТРОГРАД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ АССАМБЛЕЯ
ЛІС 60 - 1923

О двух смешанных языках Западной Монголии.

В современном языковедении вопрос о смешении языков, о скрещении, является далеко не решенным и можно отметить самые разнообразные взгляды, высказываемые выдающимися лингвистами по этому поводу¹.

В виду того, что мне пришлось наблюдать самый процесс смешения диалектов, дающий в результате нечто новое, новый язык — диалект, то я и позволяю себе привести в настоящей небольшой статье ряд наблюденных мною фактов, стараясь дать им то или другое освещение. Материал, которым мне приходится оперировать, принадлежит монгольскому языковому миру и на первый взгляд кажется странным его появление в сборнике, посвященном Яфетическому языкознанию; но, ведь, Яфетический Институт создан между прочим «и для разработки общей теории скрещения языков»² и потому привлечение монгольского материала для попытки выяснения такого трудного вопроса представляется вполне допустимым в настоящем Яфетическом Сборнике, тем более, что материал этот представляет особенности, не наблюдаемые повсеместно.

То, о чем мне придется говорить, наблюдалось и посильнее изучалось в Западной Монголии, где мне пришлось побывать не-

¹ Ср. J. Vendryes, *Le Langage, Introduction linguistique à l'histoire*, Paris, 1921, p. 330—348.

² См. ЯС., I, стр. V.

однократно и один раз прожить около двух с половиной лет. Страна эта может быть любопытна для всякого лингвиста благодаря тому, что там сталкиваются и тесно соприкасаются между собой ряд языков и наречий: монгольский, в лице своих нескольких наречий, в свою очередь представляемых многими говорами, главными из которых являются наречия: халхаское, байтское, дэрбэтское, захачинское, торгутское и хотогойтское; турецкий, представленный наречиями киргизским, урянхайским, хотонским, алтайско-урянхайским¹, а также и телеутским²; китайский и, отчасти, русский.

Монголу из Западной Монголии, к какому бы он поколению и говору ни принадлежал, часто приходится слышать разные языки и еще чаще приходится общаться с представителями других монгольских племен; приходится ему также очень и очень часто слышать и ту странную монгольскую речь, на которой обычно говорят с одной стороны русские, с другой стороны китайские торговцы, где морфология и лексика монгольские, а фонемы русские или китайские соответственно. Благодаря этому, благодаря частому взаимному общению представителей разных монгольских наречий и говоров, монголы из Западной Монголии в большинстве случаев отчетливо представляют себе отношение того наречия, на котором они говорят, к другим монгольским диалектам и в случаях заимствования из последних умеют делать необходимые изменения, чтобы адаптировать то или другое заимствованное слово³.

¹ Часть алтайских урянхайцев давно уже омонголилась и говорит на особом наречии, другая же часть этого племени говорит на особом наречии турецкого языка, значительно отличающемся от говоров северных урянхайцев. Наречие алтайских урянхайцев, так называемых Мончак, совершенно неизвестно науке.

² Телеуты — теленгиты, хотя и живут в пределах России, тем не менее постоянно общаются с разными племенами Западной Монголии, киргизами и дэрбэтами по преимуществу, с которыми они иногда кочуют вместе. Среди теленгитов, пограничных, распространено знание монгольского языка, дэрбэтского наречия, попадаются лица, владеющие монгольской грамотой.

³ Ср. A. Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, 2-e édition, Paris, 1920, p. 49—50.

Вместе с тем необходимо отметить, что благодаря разным причинам, характера исторического и этнологического, все монгольские наречия Западной Монголии, какова бы их ни была лингвистическая судьба в прошлом, сохраняют равновесие в отношении друг друга, стойко выдерживая борьбу и ни в чем почти не уступая друг другу; каждый представитель монгольского населения Западной Монголии очень хорошо сознает и представляет себе на каком наречии он говорит. Общего, обще-национального языка Западная Монголия не знает, потому что у монголов вообще нет ничего подобного. Отчасти этот общий язык заменяется монгольским литературным письменным, заменяется, конечно, очень условно, при том исключительно в узкой, — для Монголии, — области письменности¹; отметим также, что в Западной Монголии литературных языков два: один собственно монгольский письменный, другой — ойратский (калмыцкий), теперь быстро уступающий место первому². Не надо забывать также, что в значительной мере литературным языком западных монголов так же, как и большинства других, является язык тибетский³. Все это еще более усиливает и усложняет пестроту лингвистической картины, являющей Западной Монголией. Но это еще не все, существует еще один литературный язык, язык «специальный»: живой, разговорный литературный язык, проявляющийся главным образом в народной устной поэзии, о котором придется сказать несколько подробнее ниже.

Монгольские наречия и говоры Западной Монголии делятся на две большие группы: халхаскую, представленную халх.-зап., сартульским и некоторыми другими говорами, и ойратскую, заключающую следующие диалекты: дэрбэтско-Кобдоский, байт-

¹ О монг.-письм. языке см. Рамстедт, Фонетика монг.-письм. яз. и халх.-ург. говора, стр. 1—5. Б. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов из Райсатантра, 1921, стр. 41—66.

² Монгольский письменный язык распространяется и среди турецких племен, а именно среди северных урянхайцев.

³ На нем иногда пишут не только ламы, но и образованные светские люди.

ский, элэтский-Кобд., захачинский, торгутский-Алтайский, урянхайский-Алт., при чем каждый из этих диалектов разбивается порой на ряд говоров. Как, с одной стороны, халхаские говоры, так и, с другой стороны, ойратские диалекты, несмотря на свои значительные особенности, очень близки друг другу. Как бы промежуточной, переходной группой, отличной, как от халхаской, так и от ойратской, является еще одна, третья группа говоров — наречие хотогойтское, к которому примыкает и говор Кобдоских мингатов.

Главное отличие между халхаской группой и ойратской заключается в следующем:

Ойратские наречия сохранили более старый вокализм, а именно старые ё, ў, и вместе с тем сохранили старое «к» в словах переднего ряда, а также в тех случаях, когда в словах заднего ряда к ($\leftarrow *k$) находилось перед историческим і ($\leftarrow *i$). Можно было бы отметить и другие отличия: более полное развитие лабиализации в халхаском, отличия в системе шумных согласных, большую сохранность последних слогов в слове в ойратском и т. д., но это потребовало бы слишком большого отклонения в сторону от нашей главной темы. Конечно, кроме того, между ойратским и халхаским существуют отличия и в области морфологии и, особенно, в области словаря.

Наречие хотогойтское, по всем данным, является наречием смешанным, результатом смешения халхаского с ойратским. Но смешение это произошло, очевидно, в более или менее отдаленную эпоху; оно открывается в процессе сравнительного лингвистического анализа и непосредственному наблюдению никак не подлежит. Наречие хотогойтское для теперешнего наблюдателя оказывается таким же самостоятельным диалектом, как какое-нибудь байтское или торгутское. Поэтому я не считаю возможным здесь на нем и останавливаться.

Интересующихся вопросами смешения языков может привлечь в Западной Монголии иная область. Дело в следующем: на гранях халхаского и ойратского мира, лингвистического и эти-

ческого, лежит полоса, где проживает смешанное население, принадлежащее приблизительно равно обоим этим мирам, халхаскому и ойратскому, считающее само себя то ойратами, то халхасами, смотря по обстоятельствам, и говорящее или начинающее говорить на особом говоре, оказывающемся не халхаским и не ойратским, а смешанным, возникшим или возникающим в результате смешения.

Места с подобным населением можно встретить на границах кочевий байтов и халхасов-ельджеигенов, т. е. в восточной части гор Хан-хухей, а также в прилегающих степях, затем на границе кочевий дэрбэтов и халхасов на р. Дзабхыне, и отчасти в других местах, напр. на границе захачинов и халхасов. На этих пограничных местах, известными оазисами распределилось население особого рода, ведущее и особую жизнь, оторвавшись, так сказать, от главной массы ойратов и халхасов. В рассматриваемых местностях мы встречаем группы семей, принадлежащих ойратам и халхасам, или же смешанных ойратско-халхаских, кочующих, обычно, на очень небольшом пространстве и образующих, хотя и текучее и непостоянное, но тем не менее самостоятельное целое. Очень часто представители таких групп причисляют себя и действительно принадлежат к соседним халхаским или ойратским уделам-хошунам, но также часто они являются «цагачинами» цагаачи; под таким наименованием в Монголии известны лица, вышедшие из пределов своего родового удела-хошуна, вышедшие из сферы действия обычного права определенной группы, опять таки удела-хошуна. Беглецами и бродягами таких цагаачи называть нельзя потому, что они обычно имеют известный достаток, могут быть даже и очень зажиточными, кочуют в определенных местах, завязывают определенные родственные и торговые связи с вполне «лояльными» людьми; все отличие цагаачи заключается только в том, что они проживают вне своего удела-хошуна, вне его социально-экономических отношений.

Население, постоянное более или менее, таких пограничных полос, возникло, в том виде, в каком оно наблюдалось мною лет

7—8 тому назад, т. е. в виде до некоторой степени обособленных групп, сравнительно недавно и отчасти под влиянием развития иноземной торговли и промышленности в Монголии, русской и китайской. В прежнее время монгольская беднота шла в пастухи к своим богатым родичам и продолжала, таким образом, в общем вести прежний образ жизни. С развитием же торговли, с возникновением небольших факторий, китайских и русских, и в особенности с возникновением русских шерстомоек, монгольская беднота, подгоняемая сложившимися экономическими условиями, пошла служить поденщиками у китайских и русских купцов, пошла в рабочие на русские шерстомойки. Прошло каких-либо 30—50 лет и появилось совершенно неведомое кочевой Монголии: пролетариат, правда очень немногочисленный и не вполне порвавший со старым кочевым бытом.

Группы населения интересующих нас районов и принадлежат, чаще всего, к кругу лиц, так или иначе связанных с русскими или китайскими факториями; часто принадлежат они и к этому монгольскому полу-пролетариату. Вот поэтому то они и не могут совершать обычных для их родичей перекочевок и, даже не будучи цагаачи, не в полной мере принадлежат к удельному-хошунному обществу во всей полноте его кочевой, а иногда и родовой жизни. Конечно у таких лиц ослабевает чувство племенной принадлежности, в особенности у семей, проживших долго в подобных условиях, в течение двух, трех человеческих жизней. К ослаблению племенного самосознания ведут и смешанные браки. Поэтому иногда в таких местах, напр. в восточной части гор Хан-хухей, можно наблюдать, как одна и та же семья, в зависимости от разных обстоятельств, часто экономического свойства, то считает себя халхаской, то ойратской, как удобнее для данного момента, при чем, повидимому, всегда с одинаковым правом, так как действительно, объективно, такая семья и не ойратская и не халхаская, так перепутались в ней все этнографические признаки.

Обратимся же к главному этнографическому признаку, к

языку. На каком языке говорят вышеописанные группы, на каком диалекте, по-халхаски, или по-ойратски? Приходится констатировать, что они говорят на особом говоре, на особом диалекте, являющемся не ойратским и не халхаским, а третьим, *смешанным диалектом*, обнаруживающим черты как халхаские, так и ойратские. В данном случае, напр. в пограничной полосе байтско-халхаской, мы находим не байтский диалект с примесью халхаского, испещренный халхаскими заимствованиями и, наоборот, не халхаский говор, подвергшийся влиянию байтского наречия, а нечто особое, третье, возникшее в результате смешения: мы имеем дело здесь не с примесью, хотя бы и значительной, а со смесью. Если халхаское наречие изобразить в виде А + В + С, а ойратское а + в + с, то говор пограничной, напр. байтско-халхаской, полосы придется изобразить так: х(А + в).

Сами носители этого нового диалекта, очень текучего, не возникшего, а только возникающего, обычно сознают, что говорят как то особо, отлично, как от халхасов, так и от ойратов, независимо от того, к кому они сами себя причисляют; это-же самое сознается и их соседями. Но у тех и у других не хватает термина, никто не знает, как следует назвать этот новый говор, да и нужно ли? Ведь в Западной Монголии, как об этом было упомянуто выше, привыкли слышать разные говоры, которым часто не дают особого названия, именуя такой говор вместе с другими близкими и родственными одним общим названием.

Можно думать, что новый говор пограничной ойратско-халхаской полосы, вернее говоры, возникли в силу необходимости и бессознательного, а подчас и сознательного желания говорить сразу близко и интимно доступным образом и халхасам и ойратам. В результате получился и получается новый диалект, который нельзя назвать ни халхаским, ни ойратским. Надо также отметить, что иногда носители одного из подобных мешанных говоров, умеют хорошо говорить по-ойратски и по-халхаски, а иногда, что гораздо реже, и на обоих этих наречиях.

По сравнению с халхаским и ойратским этот новый диалект пограничной полосы отнюдь не является более бледным и стертым, бедным в морфологическом отношении; совершенно невозможно считать его происшедшим от соединения двух наречий после того, как отличительные черты их сглажились, что наблюдается в других местах, при столкновении других языковых стихий¹. Ни в области лексики, ни в области морфологии новый диалект не уступает своим соседям; но тем не менее нельзя не отметить его известной неопределенности, невыявленности, выражющейся в том, что у его носителей как бы совершенно не имеется желания говорить на нем правильно: нет норм². Говоря на этом диалекте, все сбиваются то на халхаский, то на ойратский, при чем старшее поколение гораздо чаще молодого.

Для пояснения черт этого нового диалекта, напр. байтско-халхаской пограничной полосы, возьмем пример из области фонетики, потому что примеры из области морфологии и лексики не так показательны:

Так, байт. к, находившееся исторически перед i = халх. х, новый же диалект в таком случае имеет ёк; напр.: монг.-письм. takiya «курица» → байт. тақā, халх.-зап. тাখā, новый говор: тақā; монг.-письм. kiya «княжий прислужник, паж» → байт. кā, халх. хā, новый говор: ёкā; монг.-письм. dakiyad «опять, снова, повторивши» → байт. дақāт → даҳāт, халх. даҳāд, новый говор: дақāд; монг.-письм. q → k = байт. к = халх. х = ойрат.-халх. ёк.

Таким образом в новом ойратско-халхаском, или байтско-халхаском говоре мы наблюдаем новую фонему ёк, которая совершенно не встречается ни в ойратских диалектах, в том числе и в байтском, ни в халхаском, фонему, которую не сумеет правильно воспроизвести ни нормальный байт, ни нормальный (лингвистически) халхас.

¹ Обычно считается, что упрощение морфологии — результат взаимного воздействия двух и более языков; см. J. Vendryes, Le Language, p. 346—347.

² Не надо забывать того, что население пограничной полосы отнюдь не принадлежит к высшему классу и потому их говор для их соседей и для них самих не предстает модным; говор их не имеет престижа, как не имеет и названия.

Возьмем еще один пример, относящийся и к области морфологии и фонетики. Окончание *raes. indicat.* по байтски -нā, -н, по-халхаски -нē, -нē, -нē, -н в словах с передними гласными; новый говор имеет -нā, -нā; напр.: байт. iрнā «приходит», халх.-зап. 'ирнē, 'ирне, ойрат.-халх. iрнā; байт. ўзнā, халх.-зап. ўзёнē, ўзён, ойрат.-халх. ўзнā ~ ўзнā. Затем можно наблюдать в новом ойрат.-халх. говоре спорадическое появление некоторых звуков, не обычных ни для ойрат., ни для халх. при данном положении; напр. байт. ш = халх. ш = ойрат.-халх. ш и ч; также байт. х = халх. х = ойрат.-халх. х и ү = монг.-письм. q. Примеры: байт. шарā «желтый», халх. шар, ойрат.-халх. шар, шарā, монг.-письм. sira || монг.-письм. šitaran (← перс. šatrang) «шахматы» → байт. шатр, халх. шатāр, штāр, ойрат.-халх. чitr; монг.-письм. аса «старший брат» → байт. ахā, халх. ах, ойрат.-халх. ахā || монг.-письм. angqan «начальный» → байт. aңqn, халх. aңхāц, ойрат.-халх. aңbн.

Еще один пример из области вокализма: монг.-письм. u = байт. у = халх.-зап. у ~ ө = ойрат.-халх. ө; напр.: монг.-письм. utasun «нитка» → байт. утсн, халх.-зап. утс, ойрат.-халх. отс; монг.-письм. daγun «голос, песня» → байт. дүн, халх.-зап. дүң, дöң, ойрат.-халх. дöн.

Далее, в то время как байт. k = халх.-зап. ڪ, ڪ (← k) перед историческим i в начале слов заднего ряда, при чем в байт. i сохраняется и палатализирует последующие гласные, а в халх. наблюдается явление предвосхищения последующего гласного, явление, так называемого, перелома, в ойрат.-халх. мы находим в соответствующих случаях k + i без палатализации последующих гласных, напр.: монг.-письм. kitad (← *qitad) «китаец» → байт. кітёт, халх.-зап. ڪاټاڏ, ойрат.-халх. кітад; монг.-письм. kimda (← *qimda) «дешевый, легкий» → байт. кімдё, халх.-зап. ڪامڏا, ойрат.-халх. кімдá.

В общем же вокализм ойрат.-халх представляет очень смешанную, пеструю и неустойчивую картину; консонантизм же особенно характеризуется тем, что смычные не делятся на сильные

и слабые, как в халх., но на глухие и звонкие, подобно ойратским, отличаясь от них гораздо большей придыхательной рекурсией, что сближает их, на этот раз, с халхаскими смычными.

В области словаря, как это можно было ожидать заранее, в смешанных говорах ойратско-халхаской пограничной полосы мы наблюдаем самое пестрое употребление слов, присущих ойратским диалектам и, с другой стороны, халхаским. Несколько примеров могут иллюстрировать наблюдаемое положение:

байт. кiцим «чепрак», халх. ڳولوم, ойрат.-халх. ڳولمو; байт. кокур «табакерка», халх. ڀخورڻو, ойрат.-халх. кокур, кoргo; байт. хурбн «палец», халх. хурӯ, ойрат.-халх. хурӯ; байт. ашнā «приближается», халх. aىسىٰ, ойрат.-халх. ەىسنا; байт. чиге «кумыс», халх. ڦونا aئرېٰ, ойрат.-халх. گۇنا aئرېٰ, چىغە; байт. наp «сюда», халх.-зап. наéш, ойрат.-халх. наш; байт. асхn «вечер», халх. ڄڏش, ойрат.-халх. ڄڏډش; байт. хown «печь», халх. ڙوخته, ойрат.-халх. хowعn; байт. түlи, «эпопея», халх. ڀلگۈر, ойрат.-халх. түli; байт. кiчиk «щенок», халх. ڳولڻو, ойрат.-халх. ڳولگو, кiчиg; байт. зel «долг», халх. ڙوپو، зel, ойрат.-халх. зel; байт. dälic «мешок для табакерки», халх. ځابچولاک, ځابچولبآ ойрат.-халх. dälic, ځابچولاک;

байт. хур «даждь», халх. борð, ойрат.-халх. хур, борð;

байт. шулун «быстрый», халх. بوشخان, ойрат.-халх. бопшхан.

2.

Кроме ойратско-халхаских говоров пограничной полосы Западная Монголия знает еще один смешанный язык, совершенно другого рода, при чем смешанный характер этого наречия обнаруживается ясно и выпукло, потому что мы можем наблюдать опять таки не результат, вскрываемый анализом, а процесс; эволюция этого процесса продолжается и теперь.

В ойратской части Западной Монголии, в Кобдоском округе, наравне с разными говорами, наравне с обыденной, простой

речью, наравне и как бы параллельно с литературным письменным языком существует еще особый язык, особое наречие, которое находит себе применение главным образом в народной словесности: это *устный литературный язык* ойратов, который встречается у всех ойратских племен Западной Монголии.

В устах ойратов живет, таким образом, более идеальный язык, чем их обычная, небрежная домашняя речь, служащий образцом и примером. Такой живой устный литературный язык очень непостоянен, очень тонкой пленкой настилается в сознании над обычным языком, но представляется его носителю более торжественным и более правильным. Этот более величавый язык прорывается наружу всякий раз, как только человек им владеющий, — не всякий им обладает, — должен говорить серьезно, с пафосом, красиво, витиевато, когда поет, произносит обрядовые благопожелания или просто, когда хочет сказать значительное для него слово. В полной совершенной форме этот язык мы находим в словесных произведениях ойратов Западной Монголии: в песнях, пословицах, сказках и, в особенности, в героических эпopeях, которыми славятся и байты, и дэрбэты, и захачины, все Кобдоцкие ойраты. То, что в сказках и былинах сохраняется старый язык, разные старые обороты и слова, — общее и всемирное явление. Здесь же мы имеем дело с явлением другого порядка: перед нами язык, наречие, литературное наречие, сохраняемое только путем устной традиции; можно говорить не о случайно сохранившихся в сказках старых формах, а о живом разговорном литературном языке.

Уже из того, что сейчас было сказано, явствует, что рассматриваемый язык придется отнести к разряду языков *специальных*, различные виды которых изучались во многих местах земного шара. Ойратский же устный литературный язык представляет столько особенностей, необычных и не повторяемых в других подобных наречиях, что вызывает к себе особое внимание потому, что может послужить прекрасным материалом для решения ряда общих теоретических вопросов языковедения: вопро-

сов о смешении языков, о возникновении литературных наречий, о взаимном влиянии языков и т. п. Насколько необычен ойратский устный литературный язык видно из того, что он резко отличается от современных ойратских говоров, т. е. говоров, на которых объясняются повседневно его носители, своим морфологическим строем, тогда, как обычно считают, что специальные языки отличаются от местных говоров особенностями лексическими: «... une langue spéciale est d'ordinaire caractérisée presque uniquement par des particularités de vocabulaire» — пишет Meillet¹. Другая его особенность, разделяемая им, по моему мнению, со многими литературными (но уже письменными) языками, — международность и смешанность, мешаний характер, проявляющийся в двух степенях или двух родах. Наконец не надо забывать, что мы имеем дело с литературным языком, но языком устным, живым, на котором никогда и нигде не писали, если не считать одной попытки, о которой придется сказать несколько слов ниже.

Устный литературный язык ойратов Западной Монголии является международным потому, что относится не к определенному племени, определенной группе, тому или другому ойратскому уделу-хоншу, но распространен везде, где только есть ойраты, любящие красиво и искусно говорить, где есть рапсоды, где есть подходящая среда. Подобно тому, как ойратский эпос есть главным образом создание кочевой аристократии, устный литературный язык ойратов, повидимому, тоже создался в недрах этой ойратской степной аристократии и только случайные обстоятельства помешали ему стать разговорным языком аристократических ставок. Благодаря этой аристократии, ее влиянию, ее ореолу, благодаря всему тому, что ее окружало, язык этот и получил возможность распространиться везде и всюду среди ойратов Западной Монголии. Искусственный, как все литературные языки, устный литературный язык ойратов получил благодаря высшему классу обаяние торжественности, получил возможность стать как бы наравне

¹ Aperçu d'une histoire de la langue grecque, 2-e édition, Paris, 1920, p. 86.

с другими не разговорными священными языками, получил силу традиции. Но зато благодаря этому широкому распространению он много потерял в интенсивности и в виду сравнительной незначительности ойратского аристократического класса не сделался единственным литературным языком ойратов, не выкристаллизировался и оформился окончательно. Он остался и остается суммой не норм, а тенденций; он неопределенен и постоянно готов уступить почву местным ойратским говорам. Отсюда и происходит его особенно смешанный характер.

Литературный устный язык ойратов выявляется нам всегда в перемешанном виде с тем или другим ойратским говором Западной Монголии в зависимости от лица говорящего, при чем большая или меньшая примесь местных элементов зависит от мастерства, с каким говорящий или поющий владеет этим особым литературным языком. Устному литературному языку своему ойраты учатся, как учатся всякому профессиональному, специальному языку, и далеко не все им владеют, а если владеют, то владеют по разному. Кроме того устный литературный язык ойратов в своей основе, — на этот раз мы должны уже привлекать лингвистический анализ, — является наречием чрезвычайно смешанным, происшедшем в результате длинной борьбы различных элементов и разнородных влияний.

Переходим теперь к краткому рассмотрению этого литературного устного языка, отмечая, по возможности, оба рода смешения.

Что касается фонетики рассматриваемого языка, то подобно некоторым другим народам¹, ойраты, употребляя свой устный литературный язык, умеют делать известные перестановки своих фонем, произносить их, воспроизводить на особый лад по сравнению с их обыденной речью, а иногда и пользоваться особыми фонемами, но в общем сохраняя фонетический строй — облик своих местных говоров. Тем не менее фонетические особенности устного

¹ Ср. Meillet, Aperçu d'une histoire de la langue grecque, 2-е édition, Paris, 1920, p. 89.

литературного языка ойратов Западной Монголии значительны. Примеры:

а) Во всех ойратских наречиях *i* после *k* (-*ki* ← **ki* ← **q'i* и **ki*) не сохранилось в неударных слогах, ассимилировавшись с предшествующими гласными, за исключением тех случаев, когда в ударном, т. е. первом слоге было *i*, в устном же литературном языке ойратов, который условимся называть сокращенно лит.-ойрат., *i* в таком положении (-*ki*) встречается; напр.: монг.-письм., ойрат.-письм. *orki* «брось» → байт., дэрб.-Кобд., захач., торг. *orkö* || лит.-ойрат. *orki*; монг.-письм. *доуиту-ki*, ойрат.-письм. *χоуиту-ki* «передний, будущий» → байт. *хойткö*, торг. *хоткö* || лит.-ойрат. *хойткi*, *хоткi*; монг.-письм. *агакi* «вино, водка» → байт. *ärkë*, *ärkik*, захач., торг., урянх.-Алт. *ärkë* || лит.-ойрат. *ärkik*; монг.-письм. *taki* «дикая лошадь» → байт. *такë*, захач. *такä* || лит.-ойрат. *такi*.

б) В лит.-ойрат. очень часто встречаются слова, в которых не наблюдается обычного для монгольского языка, языка разговорного, живого, слияния гласных. Сочетание *v + γ ~ g + v* общемонгольского дает долгие гласные живых монгольских наречий. Монг.-письм., в общем сохраняет в этом отношении общемонгольское состояние, начавшееся изменяться очень рано, во всяком случае до Чингис-хана, при чем изменение это прошло через несколько ступеней развития, открываемых нами сравнительным изучением монгольских наречий старых и новых, литературных и живых разговорных. Лит.-ойрат. в этом отношении хорошо представляет ступени этого развития и, в общем открывает картину состояния языка, очень похожую на ту, которую наблюдал Араб-филолог¹, по всем вероятиям, в XIV веке, в Персии. Действительно, в лит.-ойрат. мы встречаем формы, где сохранился *v*, *γ* (\leftarrow **b*, **v* || *γ*, *g*), затем формы с *w* \leftarrow *b* (\leftarrow **b* || *γ*); напр.:

¹ См. П. М. Мелиоранский, Араб-филол. о монг. яз., ЗВО XV, стр. 156—158.

лит.-ойрат. абүлзанā «встречаться» || монг.-письм. aγulja-, байт., дэрб.-Кобд. ўлзанā, торг., захач. ўлзнā; лит.-ойрат. ёдөгā «теперь» || монг.-письм. edüge, || байт. одō, торг., захач. одā; лит.-ойрат. дегёдē «высший» || монг.-письм. degedü, байт., дэрб.-Кобд. дёт, дёдē, торг., захач. дёдē; лит.-ойрат. хам⁹ā «где, куда» || монг.-письм. qamīγa, байт., дэрб., торг., захач. хамā; лит.-ойрат. шωwūbūn «птица» || монг.-письм. sibaγun, байт., дэрб.-Кобд. шωwūn, торг., захач. шowūn; лит.-ойрат. ѡwūxū «пить» || монг.-письм. ѡγuci, байт., дэрб., торг., захач. ӯxū; лит.-ойрат. соносбāт¹ «услышавши» || монг.-письм. sonusuγad, байт. соносбōт, торг., захач. соносбāт; лит.-ойрат. ižābūr, ižawūr «корень, происхождение» || монг.-письм. ijaγur, байт. jozūr, торг., захач. jozūr.

с) Еще более замечательным в фонетическом отношении является следующее, наблюдаемое в лит.-ойрат. В то время, как современные ойратские наречия Западной Монголии не знают дифтонгов на конце слова, лит.-ойрат. такие дифтонги имеет; напр.:

лит.-ойрат. октöрбöй «небо» || монг.-письм. oytäγuši, байт. oktröbö, торг., захач., урянх.-Алт. октöрбö; лит.-ойрат. гекüй «говоримый» || монг.-письм. geküi, байт., дэрб., торг., захач., урянх.-Алт. гекë; лит.-ойрат. табхöуду «при положении, когда кладут» || монг.-письм. talbiqui-dur, байт. taw'xädä, торг., захач., урянх. taw'xädä; лит.-ойрат. буй «есть» || монг.-письм. bui, байт., дэрб., торг., захач. bï.

д) В области фонетики можно еще отметить и другие фонетические подстановки, какие приходится делать ойратам Запад-

ной Монголии, когда они переходят от родных говоров к устному литературному языку; напр.: лит.-ойрат. урđö «раньше» || монг.-письм. urida, байт., дэрб.-Кобд., торг., захач., урянх.-Кобд. урđö; лит.-ойрат. kōrküй «милашка» || монг.-письм. kōgereküi, байт., дэрб.-Кобд. kōrkö, kōrkö, торг., захач., урянх. kōrkö; лит.-ойрат. tälw'ñä «класть» || монг.-письм. talbi-, байт., дэрб.-Кобд. taw'ñä, торг., захач., урянх. taw'ñä; лит.-ойрат. кегексн «сделанный» || монг.-письм. kigsen (< *kiigsen), байт., дэрб., торг., захач., урянх. кесн, кексн; лит.-ойрат. ögöksn «данный» || монг.-письм. ögügsen, байт., дерб., торг., захач., урянх. öksn; лит.-ойрат. гикöде «когда говорят, сказали» || монг.-письм. geküi-dü, байт., дэрб., торг., захач., урянх. гикёдë, гекёдë; лит.-ойрат. окн «девушка» || монг.-письм. ökin, ükin, байт., дэрб., торг., захач., урянх. okñ.

Уже из выше приведенных примеров выясняется мешанинъ характер устного литературного языка ойратов. Тут мы встречаем формы, дошедшие от разных эпох развития монгольского языка (ёдөгā, хам⁹ā, шωwūbūn), формы, так сказать, компромисные — результат соединения, смешения древних, сохранявшихся по традиции, форм с живыми разговорами (гикöдë, урđö); можно, наконец, обнаружить и влияние, вторжение форм монгольского письменного языка, хотя с большой уверенностью сделать это довольно трудно (буй, ögöksn?). В гораздо большей степени смешанный характер ойратского устного литературного языка обнаруживается в морфологии. Именно своей морфологией, как это указывалось выше, рассматриваемый литературный язык отличается и отличается значительно как от живых ойратских говоров, так и от письменных литературных языков, монгольского и ойратского, что вызывает особенный интерес.

Обращаясь теперь к разбору морфологического строя уст-

¹ Converbum perfecti.

нного литературного языка ойратов Западной Монголии попытается установить несколько категорий:

А) Формы, происшедшие от смешения разных морфологических элементов. Особенно показательными для этого рода являются парадигмы склонения енё «этот» и терё « тот»; наглядно обнаруживающие их искусственное происхождение. Привожу парадигмы склонения терё || tere « тот»:

лит.-ойрат.	байт.	монг.-письм.
N. терё, тер	терё, тер	tere
G. түнä, түнä, терүнä, терүнä	түнä, тернä, терүнä tegünü	
D. түндö, терүндö	түндö, терүндö	tegündür
Ac. түгт, терүгт, түнгт, терүнгт	түгт, терүгт	tegüni
Abl. түнäс, терүнäс, түннече	түнäс, терүнäс	tegün-eče
терүннече		
Instr. түгäр, терүгäр, түгр	түгäр, терүгäр	tegün-iyer
Com. түтä, терүтä, тер-лубä,	түтä, терүтä	tegün-lüge
терүн-лубä		
Direct. терүр, тер-урү, тер-урү	терүр	

То же самое наблюдается и вообще в склонении имен, где можно встретить пеструю смесь самых разнообразных форм; напр.:

Gentv. основ на и: лит.-ойрат. -i || монг.-письм. u, i, ойрат.-письм. -i, байт., дэрб.-Кобд. -nä, торг.-nä. Повидимому, был период развития монгольского языка, когда окончание это -i, — е. gentv. основ на и оказывалось распространенным среди большинства монгольских наречий; спорадически окончание появляется и теперь в разных наречиях, в том числе и в рассматриваемом устном литературном наречии ойратов; напр. нарнi, «солнца», ханi «хана».

Gentv. основ на v: лит.-ойрат. -in, образующее вместе с u, долгим или кратким безразлично, нисходящий дифтонг || монг.-письм. -uin, байт., дэрб.-Кобд., торг., захач., урянх. -in, заменившим

иющее последний краткий u основы или же удлинение этого v → n; основы на долгий u имеют окончание -n. Рассматриваемое окончание Gentv. устного литературного языка ойратов особенно для него характерно и встречается наиболее часто; напр.:

лит.-ойрат. ламайн || монг.-письм. blama-uin, байт., дэрб.-Кобд. ламан, лами «ламы» (основа ламä); лит.-ойрат. октрбöйн || монг.-письм. oytarguši-uin → oytargu-uin, байт. октрбöн, захач. октрбöн «неба» (основа октрбö); лит.-ойрат. iрkeйн || монг.-письм. irekü-uin, байт., дэрб.-Кобд., торг.-Алт., урянх.-Алт., захач. iркн «gentv. от nomen futuri» (основа iркë). Повидимому настоящее окончание gentv. устного литературного языка бйратов Западной Монголии появилось, как результат смешения формы монг.-письм. (= ойрат.-письм.) с формами живых местных говоров; т. е. стали произносить форму литературного письменного языка несколько на разговорный лад, в результате получилась новая морфема, закрепленная традицией.

Б) Формы, сохранившиеся от старых периодов развития монгольского языка. Среди морфем этого рода особенно любопытно окончание praeteritum perfecti на -bi, -wi (-bi, -wi при эмфазисе); засвидетельствовано подобное же окончание (-bi) в старых монгольских памятниках XIII-го и XIV-го века¹; примеры: лит.-ойрат. Mitel-үгэй xän zaplik (или zäripik) болwi «Митель-угэй-хан дал приказ (соизволил сказать)» || байт. Mitl-угö xän zaplik болвö; лит.-ойрат. näripilwi «пировали»; ögwi «отдал».

Converbum conditionale: лит.-ойрат. -wacä, -basä || монг.-письм. -basu, ойрат.-письм. -bäsu; примеры: лит.-ойрат. baiwacä || монг.-письм. bayibasu, ойрат.-письм. bayibäsu «если был»; лит.-ойрат. ögwäcä || монг.-письм. ögbesü, ойрат.-письм. ögbësü «если даст»; лит.-ойрат. jaabacä || монг.-письм. yabubasu, ойрат.-письм. yabubäsu «если пойдет».

¹ В памятниках квадратного письма и в Юань-чао-би-ши; см. А. М. Позднеев, Лекции по истории монгольской литературы, (литограф. изд. 1897 г.), стр. 125—126. См. также G. I. Ramstedt, Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen, 1902, p. 85.

Accusativ. — притяжение: лит.-ойрат. *jūbān ~ jōwān* || монг.-письм. *uγān* → *uγān*, ойрат.-письм. *uγān*¹; напр.: лит.-ойрат. *ama-jūbān* || ойрат.-письм. *ama -uγān* «свой рот»; лит.-ойрат. *nom-jōwān* || ойрат.-письм. *nom-uγān* «свое учение». Как видно из этих примеров устный литературный язык ойратов точно воспроизводит старую форму так, как она произносилась; относительно *b* → *w* см. выше.

Почти то же самое приходится сказать и об окончании притяжания: лит.-ойрат. *-wān* || монг.-письм. *ben*, *iyen*, ойрат.-письм. *bēn*, *yēn*; напр.: лит.-ойрат. *cyl-wān* || монг.-письм. *segül -iyen*, ойрат.-письм. *sül -yēn*, байт., дэрб.-Кобд., торг.-Алт. *cylān* «своего хвоста»; лит.-ойрат. *usu-wān* || монг.-письм. *usu-bēn*, ойрат.-письм. *usu-bēn*, байт., дэрб.-Кобд., торг.-Алт. *usān* «свою воду». Замечательно, что лит.-ойрат. сохранил в данном случае и одну важную деталь, а именно отсутствие подчинения закону гармонии гласных, что наблюдается и в монг.-письм. и в ойрат.-письм. применительно к этой частице.

Только что сказанное относится и к окончанию *ablat.*: лит.-ойрат. *-ēpē,-ēcē* || монг.-письм. *eče*, ойрат.-письм. *ēce*; напр.: лит.-ойрат. *bügüdē-ēcē* || монг.-письм. *bügüde-eče*, ойрат.-письм. *bügüde-eče* «из всях»; лит.-ойрат. *dötör-ēcē* || монг.-письм. *dotura-eče*, ойрат.-письм. *dotoro-eče*, байт., дэрб.-Кобд. *dötörösä*, торг.-Алт., захач. *döträc^a* «из» внутри».

С) Формы, заимствованные с халхаского. Количество таких форм не велико, но тем не менее они характеризуют устный литературный язык ойратов Западной Монголии и являются одним из его отличий. Формы, возникшие под влиянием халхаского наречия в лит.-ойрат. принадлежат, повидимому, к довольно отдаленному прошлому, потому что отличаются от тех редких халхаских заимствований, которые встречаются в современных ойратских говорах. Не надо забывать того, что предки большинства современных ойратов Западной Монголии в былые эпохи, еще до

¹ См. Б. Владимирцов, Монг. сборник рассказов из Раисатанта, Петербург 1921, стр. 55.

переселения на те места, где они кочуют поныне, имели общения с халхасами.

Из числа халхасизмов отметим форму *gentv.* основ на *v*: *-īn* с переходом последнего в основы в скользящий гласный неполного образования; напр.: лит.-ойрат. *ül^aīn* «горы» || халх. *ül^aīn*, байт. *ülīn*; лит.-ойрат. *tek^ēīn* «козла» || халх. *t^ēek^ēīn*, байт. *tekīn*.

Accus. на *-ī*; лит.-ойрат. *zul* «светильню» || халх. *zul*, байт., дэрб.-Кобд. *zulīgī*, торг. *zulīg*, урянх.-Алт. *zulāgē*; лит.-ойрат. *üld* «мечь» || халх. *jüldī*, байт. *jüldīgī*, урянх.-Алт. *üldāgē*.

Praescriptiv. на *-ārā*, *-brā*, *-erā*, неизвестн. ойратским говорам Западной Монголии; напр. лит.-ойрат. *orbrā* «входите» || халх. *orbrā*; лит.-ойрат. *irbrā* «приходите» || халх. *irbrā*; лит.-ойрат. *jabarā* || халх. *jawarā*.

Можно было бы указать еще на много и много особенностей устного литературного языка ойратов, потому что особенности эти замечаются во всех отделах морфологии. Но, я позволяю себе думать, что вышеприведенных примеров достаточно для иллюстрации положения о смешанном характере этого литературного наречия.

Что касается словаря, то о нем придется сказать немного, потому что то, что наблюдается в устном литературном языке ойратов Западной Монголии, можно наблюдать в любом искусственном литературном языке. Здесь мы встречаем и архаизмы и диалектизмы, разнообразные заимствованные слова и вновь, искусственно созданные.

Выше было замечено, что у ойратов была сделана попытка представить свой устный литературный язык в письменном виде. В самом начале второй половины прошлого века по инициативе одного ойратско-байтского князя была записана ойратская эпопея Хāц-Харāңбү при помощи ойратского алфавита. Тот, кто проделывал эту запись¹, приложил все старания для того, чтобы представить былину в том виде, в каком она распевается

¹ Рукопись эту, — запись названной эпопеи, — мне удалось раздобыть; в настоящее время она хранится в Азиатском Музее Р. А. Н.

рапсодами — түлчі, представить, поскольку это позволяло ойратское письмо, особенности устного литературного языка ойратов, решительно порвав для этого с обычной ойратской литературной письменной традицией и в области орфографии, и в области морфологии, и в области словарной. Получилось нечто небывалое: книга на новом литературном языке. Попытка эта, повидимому, осталась единственной, или, быть может, почти единственной; благодаря разным обстоятельствам нового письменного литературного языка у ойратов Западной Монголии не возникло. Но, записанная эпопея останется конечно высоко интересным памятником, содержащим обильный материал для общей теории литературных языков и «для... общей теории скрещения языков».

Б. Владимирцов.

11 августа 1922 г.

Петербург.

Изображение числительных в надписях

Сардурा

Вновь открытые в нишах Ванской скалы надписи Сардура сына Аргиштия¹ позволяют коснуться довольно сложного вопроса о начертании числительных в халдской клинописи.

Анналы царя Сардура повествуют о военных его походах, поэтому изобилуют перечнем добычи. В них добыча исчисляется в точности иногда до единицы и, что весьма важно, в них подводится итог предыдущим цифрам, благодаря чему спорные знаки числительных легко поддаются объяснению.

Так, в одном месте (V, стк. 29 — 30) стоит $\blacktriangleleft \blacktriangleright \text{ PUER-} \text{ше}$
 $\text{W} \blacktriangleleft \text{ W} \blacktriangleleft \text{ J-} \text{iGENS-} \text{ti} \blacktriangleleft \blacktriangleleft \blacktriangleleft \text{ W} \blacktriangleleft \text{ W} \blacktriangleleft \text{ W} \blacktriangleleft \text{ iFEMINA-} \text{luti}$
 $\text{-} \blacktriangleleft \blacktriangleleft \blacktriangleleft \blacktriangleleft \text{ J-} \text{v} \blacktriangleleft \text{ W} \blacktriangleleft \text{ J-} \text{iGENS-} \text{un}$, то есть 10.000 отро-
 ков 4.600 родовых старшин 23.200 женщин, всего 37.800 го-
 лов народа. Здесь первые три слагаемые 10.000 + 4.600 +
 $+ 23.200$ дают цифру 37.800, каковая и значится после идео-
 граммы $\text{-} \blacktriangleleft$ (всего).

Пример настолько ясный, что понимание всей конструкции фразы сомнения вызвать не может. В этом месте своего летописного изложения Сардур говорит: «всякого рода пленных я отобрал, 10.000 отроков взял в рабы, 4.600 родовых старшин я привел, 23.200 женщин, всего 37.800 человек (букв. голов народа), одних сюда привел, других к себе (т. е. в Тушн) увел».

¹ Н. Я. Марр, «Надписи Сардура второго из раскопок ниши на Ванской скале», Археологическая экспедиция 1916 года в Ван., изд. Руск. Арх. Общ., 1922 г.